

Е. А. Гусева

г. Днепропетровск

РУССКИЙ ОЧЕРК 90-х ГОДОВ XX ВЕКА

Розглядаються особливості трансформації нарисового жанру в 90-ті рр. XX ст.

Ключові слова: нарис, документалізм, сповідальність, публіцистичність, нові персонажі.

Рассматриваются особенности трансформации очеркового жанра в 90-е гг. XX в.

Ключевые слова: очерк, документализм, исповедальность, публицистичность, новые персонажи.

The article discusses the features of the transformation of the genre of essays in the 90-ies. the XX century.

Key words: essay, documentalism, confessional, journalistic, new characters.

В 1990 г. был принят новый «Закон о печати», отменявший цензуру и таким образом способствовавший развитию художественного творчества. С одной стороны, литература стала фиксировать конкретную повседневную реальность, что привело к смене тем, героев, художественного мышления; с другой – продолжала, порой по-новому, старые темы. Одной из таких «старых» форм был бытописательный очерк, посвящённый жизни большого города. В 1991 г. вышел сборник очерков А. Рубинова «Интимная жизнь Москвы», которые он лет двадцать писал, что называется, «в стол» и подготовил к печати лишь в 1989 г. А. Рубинов писал свои очерки в то время, когда произведения аналогичного жанра описывали в основном «Москву социалистическую». В отличие от их авторов, Рубинов в «Интимной жизни...» писал о мелочах повседневного быта, из которых, собственно, и состоит жизнь любого человека, «ведь без быта не существует литературы, да и сама наша жизнь без быта невысказана» [7, с. 241]. Книга стала едва ли не единственной после «Москвы и москвичей» В. Гиляровского. Свой рассказ о Москве Рубинов тоже начал с вокзалов. Каждый из них живёт своей жизнью, по своим правилам. Писатель произвёл «социальный срез» вокзальной публики и обнаружил, что её часть вовсе никуда не уезжает: часто это мужья, поссорившиеся с жёнами, но надеющиеся помириться, или одинокие люди, ищущие общения. «А. Рубинов в своём рассказе о Москве не следует какому-то заранее выработанному плану или сценарию. Но такая свободная композиция, непринуждённость рассказа и придаёт вещи большую привлекательность» [7, с. 240]. Действительно, автор охватил, пожалуй, практически все стороны жизни Москвы: в повествовании, помимо вокзалов, говорится о банях и туалетах, магазинах и кладбищенских нравах, проститутках и дворниках (первых становилось всё больше, а последних – всё меньше).

Книга А. Рубинова ценна для читателей тем, что одних она возвращает во времена молодости, которые, несмотря ни на что, кажутся теперь лучше нынешних, других – знакомит с Москвой, которой они никогда не знали, – без ночных клубов, зато с кафе «Космос» на улице Горького, где на втором этаже можно было съесть отличное мороженое, не такой «пафосной», как нынче, «Метелицей» и с ночными улицами, по которым можно было гулять, не опасаясь за свою жизнь...

К традиционным для русской литературы темам относится и описание жизни деревни. Скажем, к этой теме нередко обращался Б. Екимов. В 90-е гг. его очерки часто печатались в «Новом мире». Среди них – «В дороге» (1994), «Последний рубеж» (1995), «На распутье» (1996), «Крымская памятка» (1997), «Возле старых могил» (1998) и др. Очерк «В дороге», что называется, пронизан болью от осознания страшных трудностей, постигших деревню в 90-е гг., и часто бессилия что-либо сделать. На примере бывшего совхоза «Кузнецовский» Б. Екимов показал, что произошло с сельским хозяйством в то время. С одной стороны, были уничтожены колхозы и совхозы. С другой – на их месте возникли фермерские хозяйства, акционерные общества и товарищества, которые между собой никак не могли договориться. Понятно, что бывшее начальство ушло из коллективных хозяйств с техникой и прочим оборудованием. «Новые фермеры – это не народ, а помещики. <...> Главный агроном, завмастерской, директор с ними, замдиректора, – рассказывает очеркисту бывший механизатор. – Всё в их руках было, они всю технику забрали себе. А мы с пустыми руками остались. Сенокос подошёл, а траву косить нечем. Хлеб убирать нечем. Землю пахать – хоть лопатку бери. У пенсионеров они повыманили паи, наобещали им коров, соломы, сена – золотых гор. А ничего не дали. Механизаторов тоже заманили брехнёй. Сейчас все назад бегут» [1, с. 156]. Но у каждого своя правда – и у фермеров, и у акционеров, и у членов товариществ. Только, с горечью говорит Б. Екимов, они не могут работать сообща, поэтому между ними идёт война. В результате – неубранный до января урожай. Стоило ли сеять весной, чтобы всё потом уничтожить? Однако очеркист всё же надеется на лучшее, потому что всегда находятся люди, идущие вперёд вопреки обстоятельствам.

Через два года после публикации очерка «В дороге» был напечатан следующий очерк – «На распутье». Что же произошло за это время в русской деревне? Судя по своеобразной семантической «перекличке», позитивного – немного. Дороги давно не ремонтировались, с прилавков исчезла своя минеральная вода, и вместо неё продаётся австрийская в пластиковых бутылках, а в райцентр прибыл американский миллиардер – спасти разрушенное хозяйство. А пока стоят непаханные поля, зарастают травой, ромашкой, молочаем. Тем не менее в этих местах стали появляться люди, готовые работать на земле. Один из них – Тимофей Константинович Пономарёв и его сыновья. Взяли землю и обрабатывают её, сеют хлеб.

Б. Екимов отмечает, что остались и жизнеспособные колхозы, во главе которых стоят умные и волевые руководители, правда, таких немного. В основном же ждут, когда придёт «кто-то» и реанимирует село, даст денег, и

тогда-то потекут молочные реки в высоких хлебных берегах. Крестьянская Россия, отмечает автор, который год находится на распутье; перед ней – два пути. «Но старого камня стёрлись письма. Кто напишет их вновь понятными для мужика словами: “Налево пойдёшь... Направо пойдёшь...” Видно, перевелись на Руси грамотеи. А ругать нас – все великие мастера. На это большого ума не надо» [2, с. 184]. Так – пессимистично – заканчивается очерк «На распутье». Но и надежда не оставляет его автора: всё же отец и сыновья Пономарёвы работают на земле, и ещё многие, кого Б. Екимов назвал в своём очерке. Да и американец-миллиардер, надо полагать, не зря приезжал.

Однако в 1998 г. Б. Екимов напечатал очерк «Возле старых могил», в котором снова настаивает на том, что «нужен тот, кто, во-первых, понятно объяснит, что колхозные времена кончились навсегда и жизнь давно потекла по-новому. А во-вторых, понятно и доступно начнёт учить новой жизни» [3, с. 145]. Но этого не знает никто, даже большие начальники. По мнению Б. Екимова, новый опыт и знания должны прийти в виде чёткого плана переустройства колхозной страны. Заметим, однако, что при всём желании «разбудить» деревню, крестьян, очеркист тоже надеется на «кого-то», кто должен прийти и всё сделать за людей, которые живут на своей земле. Хотя это прежде всего их дело, и «кого-то» умного, смелого, принципиального, знающего, болеющего за дело, желательно найти не где-нибудь в Америке, а у себя.

В очерках возникли и новые персонажи – предприниматели, безработные, «челноки», беспризорные дети; произошло и расширение тематики и проблематики. В начале 1990-х гг., после общественной активности предшествующего десятилетия наступила пора разочарования, скепсиса, вызванных неудачами экономических реформ, настроениями социальной демобилизации. В это время социокультурная ситуация изменилась кардинально: литература утратила свою учительскую, просветительскую функцию, в результате и проблемный очерк, как, впрочем, и любая иная разновидность очерка с ярко выраженным публицистическим началом перестал быть актуальным и оказался на периферии литературного поля. Трансформировавшись, продолжал развиваться путевой очерк, где публицистическая составляющая была приглушена, а также портретный очерк, героями которого вместо знатных ткачих и металлургов стали шоумены, звёзды эстрады, политики, имеющие скандальную репутацию.

В середине 90-х гг. идеологическая нагрузка очерка перестала восприниматься читателем. В 1997 г. В. Топоров, рассуждая о кризисе в литературе, отмечал: «...в широких кругах читающей публики – если таковая ещё есть – нарастает недоумение, переходящее в негодование. Лозунг Паниковского “А ты кто такой?” овладевает массами. И действительно, кредит доверия, выданный в начальные годы перестройки былым нелегалам и полуофициалам, давным-давно исчерпан, а творческой отдачи (как сказали бы в советское время) нет и не предвидится» [14, с. 388–389]. С этим суждением известного низвергателя основ и авторитетов, хотя и с

оговорками, можно согласиться. Ещё остались авторы, которые своим творчеством упомянутый «кредит доверия» отработали сполна. Скажем, Б. Екимов, известный своими деревенскими очерками, печатавшимся в «Новом мире» в 90-е годы, в 2000 г. издал сборник повестей и рассказов, в основе которых – всё те же очерки, посвящённые проблемам современной русской деревни.

Качественные изменения произошли в журналистике: внимание с документально-художественных жанров переключилось на информационные (репортаж, заметка, интервью и т. д.), и очерк перестал быть «королём» публицистики. Однако в 90-е гг. прошлого века очерки ещё продолжали печататься в «толстых» журналах. Правда, несколько поменялась их тематика, поскольку изменилась и сама действительность. Тем не менее основные разновидности очерка были представлены достаточно полно. Скажем, проблемные очерки печатались в журнале «Дружба народов» («Челноки», 1998, А. Коркотадзе; «Лишние», 1999, Л. Лавровой). В «Новом мире» в это же время были рубрики «Очерки наших дней», «Времена и нравы», «Дневник писателя». Новые «герои времени» – предприниматели – были представлены, скажем, в очерках П. Пэнэжко («Предприниматели. Попытка группового портрета в посткоммунистическом интерьере», 1993), А. Михеева («Записки мелкого предпринимателя», «Золотое копчение», 1996) и др. А. Паникина («Записки русского фабриканта», 1997). Проблемные очерки тех лет посвящались также судьбам детей-сирот («Государственные дети», 1993, Л. Самойловой), жизни провинциальных городов («На распутье» Б. Екимова, «Крымская памятка», 1997, В. Коробова). Таким образом, мы видим, что в публицистике конца XX в. проблемный очерк всё ещё был востребован, как, собственно, того требовала изменяющаяся эпоха. Но когда коренные изменения произошли, очерк стал играть второстепенную роль в современном литературном развитии. Как отметил А. Эткинд, «эпоху делает публика, а публику делает чтение» [15, с. 430]. В 90-е гг. «публику делало» чтение массовой жанровой литературы – детектива, женского романа, фэнтези. Очерк в их ряд не встраивался. И если прежде он был актуален и востребован, то теперь свою актуальность в значительной степени утратил, как в целом утратили свою актуальность публицистические жанры. Начинает доминировать развлекательная журналистика, а постановка познавательных, аналитических задач, которые прежде решались в очерковом жанре, стала второстепенной.

Девяностые протекали бурно, каждый год нёс какие-то перемены. В начале десятилетия возникла и новая тема в публицистике – предпринимательство (термины «бизнесмен» и «бизнесвумен» в активной лексике постсоветского общества ещё не значились). П. Пэнэжко в своём очерке «Предприниматели. Попытка группового портрета в посткоммунистическом интерьере» (1993) изображает нескольких представителей нового класса, рассказывает о роде их деятельности, о проблемах и перспективах бизнеса. Первый из них – банкир Юрий Иванович Львов, человек прогрессивный, старающийся помочь стать на ноги

нарождающемуся классу предпринимателей, не жалеющий средств на благотворительность, понимающий, откуда взялись проблемы в некогда мощной экономике; он убеждён, что все беды «проистекают ещё от “великого Октября”», когда политика стала диктовать экономике. По сути, и перестройка не изменила этого положения вещей. И реформа экономическая покатила по ленинским рельсам» [13, с. 179]. И банкир Львов – один из тех, кто старается эти ошибки исправить, т. е. вложить немалые средства своего банка в строительство, в производство, в конце концов, в развитие страны.

Вторым представителем нового класса, описанного в очерке, стала директор швейной фирмы «Гарант» Елена Жуковская. Тогда, в начале 90-х, ей удалось занять свободную нишу на рынке; из многих вариантов она выбрала пошив детской одежды. Жуковская с мужем Ильёй Баскиным начинали в заброшенном подвале на Невском с десятком швей. «Шить джинсы-варёнки, конечно, заманчиво, – рассуждает она. – Но ведь понятно: где больше прибыли, там туча всякого рода чиновников, желающих получить на лапу. А на детских платьишках и шортиках никому и в голову не придёт обирать людей, затыкающих, можно сказать, брешь в госсекторе» [13, с. 183]. В то время, когда она занялась предпринимательством, дешёвое и однотипное «корейско-китайское шмотьё» уже продавалось на каждом углу. Поэтому новая швейная фирма старалась брать качеством и ассортиментом. К тому же Жуковская не пожалела времени и денег на собственное обучение в Америке и очень скоро обнаружила, «что в основе всех технологических и менеджерских изысков у американцев лежит простая вещь – здравый смысл» [13, с. 183]. Руководствуясь именно здравым смыслом, она сделала «Гарант» лидером в своём сегменте рынка. Но, разумеется, для этого была принесена в жертву собственная семья. «Мужа я дома не вижу, – признаётся Жуковская. – Сама пропадаю на работе. Ребёнок растёт без нашего участия. <...> что это за благополучие, когда хотя бы за ужином нельзя посидеть всей семьёй?!» [13, с. 185].

Казалось бы, так рассуждает обычная среднестатистическая женщина, которая волею судеб вдруг стала предпринимателем, и её это в какой-то степени тяготит. Однако дальше следуют её довольно жёсткие рассуждения, позволяющие предположить, что новые социально-экономические реалии вызвали к жизни и новые личностные качества: «...Да, конкурента нужно съесть» [13, с. 185]. Зато теперь у Жуковской с мужем только в швейном производстве работает более девятисот человек. Сам же Баскин занялся строительством морского порта, организацией торгового дома, металлической архитектурой («склады, производственные цеха, различные конторы: собираются по принципу карточных домиков в самые сжатые сроки» [13, с. 190]). Насколько выиграл или проиграл бизнес этой семейной пары после публикации очерка, сегодня можно только гадать, учитывая обширную информацию о «лихих 90-х».

Героем очерка П. Пэнэжко стал и 35-летний президент финансовой корпорации «Арман» Владислав Яснопольский. Начиная он в «родных

пенатах» – в Чебоксарах. Далее – как у многих: школа – завод – армия – вуз, в данном случае – экономический факультет Чувашского университета. Яснопольскому, как и многим его «собратьям», досталась «совковая» наследственность, о чём он сам говорит: «...трудно заниматься коммерцией при нашей дурной инфраструктуре, ненадёжности партнёров, зверских налогах. Но оказывается, что-то можно всему этому противопоставить» [13, с. 190]. И Яснопольский противопоставляет собственную любознательность и умение быстро реагировать на изменяющиеся обстоятельства. Автор очерка с уважением, местами с удивлением пишет о новой экономической ситуации в стране и новых героях своего времени: «Так что ж они, эти бизнесмены, – своего рода государство в государстве? Нет, всего-навсего независимая частичка в этом огромном конгломерате» [13, с. 195]. Очерк П. Пэнэжко продемонстрировал главное качество жанра – актуальность и злободневность. Сегодня эта тема была бы менее интересной, поскольку новый класс уже сформировался и обществу уже не надо объяснять, кто такие предприниматели, какие цели преследуют и какая от них польза или вред.

Однако многие современные «акулы бизнеса» вышли из мелкого предпринимательства. О своём опыте в такого рода деятельности написал в своём очерке А. Михеев. Здесь надо заметить, что, в отличие от П. Пэнэжко, он сам познал все «прелести» предпринимательства в забывшей, что это такое, стране. Автор «Записок мелкого предпринимателя» (1996) подробно описывает и мытарства за разрешительными документами по госконтрастам, и предательство компаньонов, и сопутствующий всем начинаниям рэкет (в том числе и упомянутых госконтрастов). А. Михеев, по основному роду деятельности журналист и писатель, в начале всё тех же 90-х занялся не свойственной себе деятельностью – предпринимательством. «Упустить такой фарг <...>, не окунуться в мир бизнеса, причём уж если окунуться, так с головой, так, чтобы руки дрожали при подсчёте выручки, – нет, упускать такую возможность было бы высшей глупостью», – решил автор-персонаж [11, с. 159]. Самое начало рыночных отношений, когда государство ещё не спохватилось, было и самым благословенным временем для наиболее быстро ориентирующихся в ситуации граждан, к которым, без сомнения, принадлежал и автор «Записок»: «Никаких тебе инспекторов, проверяющих, указывающих, ни милиции, ни санэпиднадзора, ни фактур, ни разрешительных бумаг, ни налогов – и торговать можно было где угодно. Вытаскиваешь только какие-нибудь <...> весы, встаёшь с краю рыночка, а то и вообще где попало, лишь бы было пооживлённей, – и только успевай взвешивать и считать деньги» [11, с. 161].

Всё это так, однако не только автор «Записок» занялся прибыльным делом; возникла конкуренция, и ниши захватывали всё новые «персонажи». «Я не был ещё готов отнестись с энтузиазмом к романтике Дикого Запада и с ружьём защищать своё ранчо, – пишет А. Михеев, – два раза меня выживал с места <...> один особо горячий торговец с тремя тоннами картошки...» [11, с. 161]. Тем не менее он признаёт, что им владела иссушающая одержимость. В

какой-то степени эта одержимость была схожа с психологией солдата-наёмника: воевать дальше и заработать больше. И, несмотря на растущие доходы, автор-персонаж страдал оттого, что оборот слишком растянут из-за неподходящего расписания поездов: время не ждёт, ведь конъюнктура может внезапно измениться. И здесь-то у, казалось бы, свободного предпринимателя возникают мысли о собственном рабстве, о власти денег и конъюнктуры. Но не мысль освободиться – только лёгкая зависть к двум загорающим на берегу Жигулёвского моря девушкам, не обременённым мыслями об ускользающей в силу объективных причин прибыли: «...мучаюсь, борясь с самим собой, понимаю уже, что это сумасшествие: выгляни, посмотри вокруг, передохни, – но, увы, не в силах переключить себя на другое. Уже не я контролирую ситуацию, а она полностью завладела мною» [11, с. 165]. Автору-персонажу всё же удалось вырваться из тенет бизнеса – когда ему надоело возиться с товаром, заниматься торговлей, шумными покупателями и, главное, надоели деньги. В результате гены «свободного художника» победили гены деда – купца второй гильдии. Очерк А. Михеева интересен тем, что деятельность предпринимателей периода «первичного накопления капитала» показана изнутри и так же скрупулёзно проанализирована психология человека, занявшегося не свойственным ему делом, которое, однако, у него «пошло», и он увидел самого себя в совершенно непривычном и неожиданном ракурсе.

Новые социально-экономические реалии способствовали возникновению, ещё одного, если не класса, то уж во всяком случае, новой «прослойки» и новых героев – «челноков», мелких торговцев, как правило, с высшим образованием, поставщиков ширпотреба из дальнего зарубежья, когда за границу потянулись «сотни автобусов из нашего печального СНГ...» [5, с. 129]. О них говорится в очерке А. Коркотадзе «Челноки» (1998). Автор подробно рассказывает об особенностях этой профессии, опасностях, подстерегающих за границей и на Родине, о бесправии и обмане, в конце концов, о риске, которому подвергаются «челноки» по обе стороны границы, и издевательствах чужих и, главное, своих таможенников. А. Коркотадзе подробно описывает свою поездку в Стамбул через Украину, Румынию и Болгарию. По его мнению, эта новая профессия – продукт распада старой системы социализма. Автор в лучших традициях русской публицистики говорит о проблемах (языковых, экономических, ментальных) этого нового общественного «класса». Однако не будем забывать, что именно из рыночных палаток появились многие гипермаркеты, а их владельцы тоже начинали с челночного бизнеса, возможно, сегодня стараясь не вспоминать, как в далёкие 90-е они, вернувшись с тяжеленными клетчатými баулами, на чём свет кляли «свою страну и таможенников, давая зарок и клятвы “завязать” наконец с этой проклятой Турцией...» [5, с. 137] и говоря про себя: «Вот мы и вернулись, Родина, с баулами и мешками под глазами. Страна, встречай своих героев!» [5, с. 137]. Ирония в финале очерка звучит горько: сменились ценности на просторах некогда великой страны, и на авансцену жизни вышли новые герои. В «Челноках» идёт речь о новой

профессии, но это не «физиология», а скорее исповедь: ситуация изображена изнутри – так, как её видит один из «челноков», вынужденный заниматься не свойственным ему делом.

Надо признать, что нынешняя публицистика, в частности очерк, не обладает той силой воздействия на общество, которую имела публицистика советская. И сегодня никакой не то что очеркист – никакой писатель не может похвастаться таким отношением к нему людей, для которых он, собственно, работает и которые оплачивают его творческие усилия. Кумиры ушли вместе с эпохой, наступило безвременье, и библейская строка «не сотвори себе кумира» обрела совершенно иное значение. Очеркисты 90-х стремились отразить новые явления действительности, которые зачастую вызывали отрицательную эмоциональную реакцию. Пример тому – очерк Л. Лавровой «Лишние» (1999). Начинается он описанием безрадостного московского пейзажа: мёртвая Яуза, закованная в камень берегов, «будто в гробницу» [6, с. 132], несёт куда-то нечистоты, а вокруг течёт смрадный поток машин. Среди всего этого – бездомные дети. Автор видит там шестерых мальчишек: «Курят, пуская сигарету по кругу. Чуть поодаль сваленные в кучу несколько цветных пакетов и школьных рюкзачков» [6, с. 132]. Уже начало очерка создаёт у читателя гнетущее настроение. Да и действительно, для радости нет повода, когда видишь беспризорных детей. Автор говорит о непередаваемом чувстве вины и беспомощности при виде неприкаянных и ожесточённых маленьких людей. «У этого <...> никому не нужного существа не было света в глазах» [6, с. 132].

Автор очерка добросовестно исследовала вопрос, находя своих «героев» в подвалах, подворотнях, коллекторах, вокзалах... И обнаруживала несоответствие между тем, что видела в таких местах, и обликом «возрождающейся России»: «...колокольный звон восстановленных, сверкающих золотом и огнями свечей храмов, чёрные тени вместо людей внутри и – скорчившийся от зимней стужи мальчишка, прижавшийся крепко к драной изоляции трубы в яме теплотрассы... Сбоку прильнул чёрный бездомный пёс. Отверженные...» [6, с. 134]. Такой вот диссонанс, и Л. Лаврова в своём очерке пытается достучаться до тех, кто находит средства для восстановления церквей, но жалеет их для спасения беспризорных детей или интернатов, куда они попадают. Автор обращается к теме, ранее не представленной в периодике 90-х гг., но считает необходимым привлечь внимание к этой проблеме и постараться помочь выжить детям.

В очерке 90-х гг. возникают новые черты, казалось бы, не свойственные этому жанру. В то время, когда очерк утверждался в русской литературе, в нём, как и в целом в произведениях первых русских реалистов, по мнению Ю. Манна, «установилась “разность” между автором и его героем, между авторским сознанием и сознанием персонажа...» [6, с. 235]. Такого рода «разность» чрезвычайно ярко проявилась в «физиологиях» и в определённой степени сохранялась в очерке до конца XX в. Иногда автор очерка и примерял «маску» своего персонажа (как, скажем, Н. Животов несколько дней был извозчиком, а А. Куприн браконьерствовал с

балаклавскими рыбаками), но эту новую социальную роль он играл недолго и по своей воле, и, в общем-то, такая дистанция сохранялась и в «Петербургском дворнике» (1845) В. Даля, и в «Листригонах» (1911) А. Куприна, и в «Официанте» (1965) А. Аграновского. В 90-е гг. резкая смена социальных и культурных парадигм привела к тому, что многие люди сменили профессии, занялись тем, чем никогда не занимались прежде. Бывшие литераторы и преподаватели, инженеры и артисты, для того чтобы выжить в новых условиях, стали «челноками», предпринимателями, грузчиками, таксистами. Этот новый опыт и был воплощён в очерке. В нём возникает исповедальное начало, откровенно горькое, порой циничное. В тех же случаях, когда автор всё же отделён от своего персонажа, как в очерке Л. Лавровой «Лишние», предельная эмоциональность повествования меняет эту дистанцию; это не рассказ наблюдателя-исследователя, и здесь заметно сильное личностно-исповедальное начало. В 1980-е гг. в очерке сочетается романтическая вера в благотворность перемен и надежда на разумный рационализм. Этим настроениям соответствовала публицистически-аналитическая природа очерка, и он их выразил ясно и полно. Действительность 90-х оказалась сложнее, чем можно было предположить, в рациональные схемы она не укладывалась, научному описанию не поддавалась. Очеркисты зачастую фиксировали личные впечатления от экономических и социальных перемен, которые не всегда были позитивными. Избранное ими повествование от первого лица – форма трансляции личного, а значит, достоверного опыта утверждения в новой реальности, который часто был отрицательным.

Ещё в 1993 г. Ю. Поляков писал, что теперь всякий трактующий определённые общественные вопросы, скорее всего, вызовет усмешку. «Выходит, раньше, когда мы влачили существование, у нас оставалось достаточно сил и времени, чтобы поразмыслить о пороках общества. Сегодня, когда за существование приходится бороться, на это нет ни сил, ни времени» [12, с. 8]. Сил и времени на чтение оставалось всё меньше; менялся читатель. Об этом в свойственной ему парадоксальной манере писал Э. Лимонов, который, в частности, полагал, что вымер читатель Бродского. Однако наблюдения Лимонова имеют и более широкий смысл: «И вот кончился читатель. Потому что СССР покончил самоубийством, взорвался вулкан, и лава достигла самых мелких переделкинских террас, разлетелась повсюду. Лишила покоя всех, и стало не до каталогов, как бы красиво они не выглядели. Стало видно, что мы плаваем в крови, в дерьме, в жёлчи, в блевотине. И надо было спасаться» [9, с. 157]. Разумеется, это суждение субъективно; писатель подчёркивает лишь одну сторону сложного социокультурного процесса, но в нём есть и своя правда: читатель, хотя и не вымер, но стал другим.

Т. Колядич и Ф. Капица замечают: в конце 80-х гг. казалось, что «литературным сообществам открываются широкие возможности для творческого поиска. Но пройдёт ещё некоторое время, прежде чем литература научится быть разнообразной. Поэтому период с 1985 г. по

начало XXI века и называется переходным» [4, с. 11]. Это утверждение не бесспорно, границы переходного периода могут быть названы и другие. Но всё же можно утверждать, что начало XXI в. обозначило и начало нового периода развития русской литературы. Зафиксированное в очерках ощущение несбывшихся надежд стало характерным признаком 90-х. Такое видение недавнего прошлого утвердилось в первое десятилетие XXI в., о чём свидетельствуют исследования социологов. А. Левинсон, анализируя воспоминания, отражённые в массовых опросах, отмечает: «Мнение о том, что это было десятилетие исторического прорыва, изменившего к лучшему судьбы чуть ли не половины человечества, исчезло из обихода. Выдвинута прямо противоположная оценка тех же событий как катастрофы XX в. Но массовое распространение получила не эта историческая оценка, а обытовлённое и тягостное воспоминание о 1990-х как годах сплошного кризиса и сплошных неудач, неприятностей и несчастий, охвативших всех. К этому добавляется, что очень важно, неушедшая ненависть к тем, кто внушил тогда надежду, и злость на самих себя, этой надеждой искусившихся» [8, с. 503]. К ним, внушившим надежду, относятся публицисты перестроечного и постперестроечного времени. Большинство их предсказаний не сбылись, и в это время авторы очерков не столько наблюдали действительность, сколько погружались в неё; тогда был важен не холодный анализ, а эмоциональный рассказ о собственном, часто непростом и противоречивом опыте. В результате возникла своеобразная исповедальная публицистичность.

Библиографические ссылки

1. Екимов Б. В дороге / Б. Екимов // Новый мир. – 1994. – № 1. – С. 178–192; № 3. – С. 156–171; № 6. – С. 121–148; № 9. – С. 185–197.
2. Екимов Б. На распутье / Б. Екимов // Новый мир. – 1996. – № 6. – С. 169–184.
3. Екимов Б. Возле старых могил / Б. Екимов // Новый мир. – 1998. – № 5. – С. 137–145.
4. Колядич Т. М. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценки, методики описания : учеб. пособ. / Т. М. Колядич, Ф. С. Капица. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 360 с.
5. Коркотадзе А. Челноки / А. Коркотадзе // Дружба народов. – 1998. – № 1. – С. 115–137.
6. Лаврова Л. Лишние / Л. Лаврова // Дружба народов. – 1999. – № 7. – С. 132–145.
7. Ларин С. Летописец московского быта / С. Ларин // Новый мир. – 1992. – № 9. – С. 239–241.
8. Левинсон А. 1990-е и 1990-й: социологические материалы / А. Левинсон // Нов. лит. обозрение. № 84. – 2007. – С. 489–503.
9. Лимонов Э. Книга мёртвых / Э. Лимонов. – СПб. : Лимбус Пресс, 2001. – 424 с.
10. Манн Ю. Утверждение критического реализма. Натуральная школа / Ю. Манн // Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. – М. : Наука, 1972. – Т. 1. – С. 234–291.
11. Михеев А. Записки мелкого предпринимателя / А. Михеев // Новый мир. – 1996. – № 11. – С. 159–166.
12. Поляков Ю. От империи лжи – к республике вранья / Ю. Поляков // Россия в откате. – М. : Астрель; К. : ТОВ «ЦНМЛ», 2011. – С. 8–12.

13. Пэнэжко П. Предприниматели. Попытка группового портрета в посткоммунистическом интерьере / П. Пэнэжко // Новый мир. – 1993. – № 12. – С. 175–195.
14. Топоров В. Я не такая, я жду трамвая. Питерская литература на конечной остановке / Виктор Топоров // Похороны Гулливера в стране лилипутов : Литературные фельетоны. – СПб. : Лимбус Пресс, 2002. – С. 383–391.
15. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. – М. : Нов. лит. обозрение, 2001. – 496 с.

Надійшла до редколегії 27.04.2013 р.